

(Продолжение. Начало в спецвыпуске)

ЕЙСК

В Ейске все еще менялась власть, то красные, то белые. Во дворе только и слышно: «Скоро наши придут?» Мимо нас проходили войска, мальчишки выносили им пить и спрашивали: «Вы красные или белые?» Один раз наблюдали, как войска шли к морю, на них сзади нажимали, а они все шли к морю. Море с берега замерзло, а дальше вода. Говорили, очень много погибло.

В станице Старощербиновской у нас было много родственников. Три дяди, тетя и много двоюродных сестер и братьев. И вот, как свадьба, так за мной присылают лошадей, чтобы я была старшей дружкой, одевала невесту по-городскому. Ну вроде генерала на свадьбе. Один раз, помню, в этой роли я держала венец над головой невесты, на мне были белые перчатки. Когда же священник должен был брать венец из моих рук, железка от венца зацепилась за перчатку, и он никак не мог отцепить. Так долго возились. Я думала, провалюсь от стыда на месте.

В Ейске у нас имелись родственники по маминной маме. Сестра бабушки была замужем за Морозовым. Это был очень крупный коммерсант. Он торговал с заграницей. Вывозил на пароходах пшеницу. У них был большой красивый дом, обстановка из Англии. По-моему, в их доме сейчас рентгенкабинет. В гостиной во всех простенках зеркала, цветы, стулья, рояль. Шикарные портьеры, за которыми мы прятались, играя в жмурки. У всех детей отдельные комнаты и обставлены соответственно увлечениям – рояль, фотоаппараты, книги. Зина получила образование за границей, Надя – в Ейске, Шура имел учителей дома. Потом они уехали в Москву, жили в подвале, окна без стекол. Когда я училась в Москве, часто у них бывала, а потом потеряла след. Фамилия детей уже была Рыбкины.

Здесь, в доме Морозовых, в 1914 году, когда нас эвакуировали из Анапы в Ейск, боясь турок, я впервые услышала слово «банкрот». Зять Морозовых – Рыбкин – вел дела вместе с тестем. У них имелись конторы во многих местах. Будучи в одном из этих мест, он прислал телеграмму, что обанкротился. И вот картина: жена его полулежит

в кресле в обмороке, ее вынесли на балкон, поливают водой, что-то дают, а детвора бегают и кричат: «Банкрот, банкрот», а что такое, не понимают.

Я стою, смотрю и тоже не понимаю, что ж такое «банкрот». Представляю его во фраке, с бабочкой, стройным, изящным. Спрашиваю: «Живой?» — «Живой». Так почему же плачут?

Дедушка по маме Кайдашев Иван Васильевич (р. 1842— ? г.) был очень талантливый самоучка. Он выписывал прейскуранты из-за границы и сам со своими подмастерьями делал сельскохозяйственные машины. Он очень много зарабатывал и все пропивал. Как выполнит большой заказ, получает деньги, пойдет в ресторан, закроет его и поит, кормит всех находящихся там: «Кайдаш гуляет!»

Придет домой, бабушка в него бросает лампы, вазы. Лампы большие, красивые, а дедушка на нее: «Разуй глаза, обуй нос». Бабушка была злая, но очень богомольная. При ней жило много разных приживалок. Когда она купила дом, который нам достался, то обещала всем монашкам по келье, и в доме, и построить. Но когда переехали туда мы, папа их всех разогнал. Он не любил монашек.

В 1925 (кажется) году отца Нади — Кузьму Семеновича Щербину перевели в Краснодар. Он был крупным инженером-железнодорожником. (Занимал должность инспектора Северо-Кавказских железных дорог. За заслуги перед Отечеством до революции ему был пожалован титул дворянина. — Т. С.). Вся семья переехала в Краснодар, на ул. Коммунаров, 2, где занимала весь двухэтажный дом в одиннадцать комнат. Надя поступила в Музыкальный техникум и написала мне. Я тоже поехала в Краснодар.

КРАСНОДАР

Здесь в 1926 году я поступила в Музыкальный техникум по классу пения к преподавателю Юлии Евгеньевне Соломко. Годы учебы в Краснодаре прошли как в сказке, интересно, весело. Я жила у Нади Щербины. У нас была чудесная компания, правда, не из техникума, а больше из Института табаководства, где директором являлся Александр

Александрович Шмук, впоследствии академик АН СССР. Его ассистенты, аспиранты были наши друзья.

Мы с Надей и Лелей Крыжановской (Елена Васильевна Крыжановская стала известным в городе преподавателем по классу рояля. — Т. С.) часто ездили туда и давали концерты. У Шмуков нас принимали прекрасно. Нам отводили отдельную комнату, где мы ночевали. Тогда туда ездили только лошадьми. За нами присылали лошадей, а на другой день отвозили. Когда мы приезжали, это было событие, собиралось все общество табаководства. Иногда я ездила одна, играла в спектаклях классических пьес и в пьесах, сочиненных самими ребятами.

Так, например, ребята сотворили музыкальную комедию, в которой был показан Александр Александрович, как он увлекается радио. Радио в быт только входило. Я была музыкальной волной, а ребята меня ловили. Все было с пением, в костюмах. Миша Пятницкий (впоследствии профессор Краснодарского университета, доктор наук. — Т. С.) до сих пор помнит. Я, конечно, забыла. Один раз ребята достали автомобиль и с шиком нас привезли. Это была тогда редкость.

Летом мама со всеми детьми выезжала в Анапу и там давала домашние обеды. Снимала помещение, нанимала кухарку, горничных и писала объявление: «Даю домашние обеды». Обеды у мамы были очень вкусные. Я ей помогала, с Александром сидела на кассе. Летом ежегодно к нам приезжала Вера Щербина (она почти не ходила из-за костного туберкулеза спины). Мы ее зарывали в горячий песок на целый день. Такие процедуры ей помогли, и через несколько лет она вылечилась.

В Анапе летом я выступала, часто пела в доме Масловых. Второй муж Анастасии Павловны Масловой был доктор медицинских наук Н. П. Шаповалов. Насколько знаю, он открыл желудочный сок пепсин-эрипсин (вероятно, речь идет о пищеварительном ферменте пепсине, содержащимся в желудочном соке. — Т. С.). Помню очень красиво иллюстрированную его книгу.

Во время одного концерта меня услышали две

москвички, одна из них Лиза Назарова, ставшая впоследствии моей подругой. Они меня вызвали и начали уговаривать ехать в Москву учиться. Пригласили к себе жить, и в 1929 году я уехала в Москву.

В Краснодаре, в музтехникуме был у меня поклонник — дирижер оркестра, скрипач и председатель месткома — Воут Константин Августович. Когда он жил в Киеве, то Глиер Рейнгольд Морлицевич был его учеником. Узнав, что я еду в Москву, Воут написал Глиеру, чтобы он помог мне. Глиер в то время был директором Московской консерватории.

МОСКВА

Приехав в Москву, я позвонила Р. М. Глиеру. Он был очень любезен, ласков, долго со мной разговаривал и сказал, что все сделает, пригласил прийти к 9 часам утра, но перед выходом позвонить и напомнить. И вот эти слова: «Позвоните и напомните» — меня так обидели, что я не пошла и не позвонила. А я в то время хорошо пела его романсы, они тогда были очень модны и у меня получались: «О, не вплетай цветов душистых», «Жить, будем жить», «О, если б грусть моя». С большим успехом я их исполняла в концертах. Может быть, все сложилось иначе. Но вот такие ненужные, гордые фокусы мне не раз портили жизнь. Глиер запрашивал Воута, где же Анечка?

В Москве я поступила в 1-й Московский государственный музыкальный политехникум (на ул. Новослободской, 12) на оперное отделение и, проучась там с 1929 по 1933 год, закончила с квалификацией «оперная певица».

Музполитехникум славился очень сильным оперным классом, выпускники, окончившие консерваторию, часто приходили учиться сюда. У нас был очень хороший, известный режиссер — Федор Федорович Эрнст. Он тридцать лет проработал режиссером в Большом театре. Он меня очень любил и высоко ценил.

Однажды на ученом совете после постановки оперы «Паяцы», в которой я играла Недду, он ска-

зал: «Я тридцать лет проработал в Большом театре, много ездил за границу, много видел приезжающих к нам в Россию артистов, но такой Недды, как Евтушенко, я не видел». Когда я играла очередной спектакль, Ф. Ф. Эрнст говорил: «Так это же играт Евтушенко». Он сделал меня своим ассистентом. Я подготавливала со студентами сцены для спектаклей (опер).

Зато А. И. Шпигель (дирижер) меня ненавидел. А все за то, что я не соглашалась с его трактовкой и пела по-своему. Он кричал: «Я много лет работал с Шаляпиным. Он всегда ко мне прислушивался, а эта какая-то девчонка смеет меня критиковать. Наши занятия превратились в сплошную муку, он явил все время, старался меня уколоть, унижить. Мне некуда было деваться, да еще приходилось заниматься у него на дому. И так все четыре года, вспомнить не могу его, язву».

Другое дело — преподаватель пения Василий Васильевич Осипов — душа человек. Как приду к нему домой, сначала позанимаемся, а потом он мне рассказывает о жизни на сцене. Он пел в Большом театре с Шаляпиным (у обоих был бас), Неждановой. О Неждановой говорил, что она очень веселая, хохотунья, прекрасно танцевала «русскую». С Шаляпиным у него был один извозчик. Это была их компания, столько интересного я узнала от В. Осипова.

Одно время он из меня «меццо-сопрано» хотел сделать. Как-то опускал гортань. Голос звучал необыкновенно сильно, красиво, но это ж нужно было следить все время за гортанью. Это неестественно, и я отказалась. (В молодости у мамы было драматическое сопрано, с годами голос стал ниже и превратился действительно в «меццо-сопрано». Красота голоса, сочность и сила сохранились до конца жизни. — Т. С.).

Когда я уже была замужем и жила в Краснодаре, Василий Васильевич Осипов приезжал в наш город с оперой, пел Мельника из «Русалки» Даргомыжского. Мы с Мишей (Михаил Ильич Поляков) пригласили его к себе на обед и сделали красивую встречу. Хороший, приятный был человек.

В Москве мне жилось очень хорошо. Все ин-

тересные концерты, спектакли я посещала. Моя двоюродная сестра Зоя Калитенко (из Ейска) работала главным бухгалтером в консерватории, так она меня снабжала билетами всюду, куда я хотела, причем в консерваторию бесплатно. Не жизнь была, а Масленица. Александр присылал мне регулярно деньги, я не нуждалась.

(Любимый младший брат и задушевный друг Александр помогал маме материально до самого замужества. Он погиб на фронте, его имя занесено на мраморную доску в редакции газеты «Вольная Кубань», ранее «Большевик», откуда он ушел на войну. Для того чтобы зарабатывать большие деньги и дать возможность сестре учиться в Москве, он уехал в Среднюю Азию, работал редактором в газете на серном заводе, жил практически в пустыне. А дедушкиных денег, что он присылал, по воспоминаниям мамы, хватало лишь на проезд в трамвае. — Т. С.).

В это время шла первая пятилетка. Поднималась индустрия. Везде только и разговору было, чтобы все помогали. Я не могла остаться в стороне и на первом же году обучения поступила на двухгодичные Государственные курсы чертежников-конструкторов на Сретенке, которые окончила в 1931 году. Это были самые знаменитые курсы чертежников. (Кстати, для учебы на этих курсах потребовалась справка из Краснодара о том, что отец студентки Евтушенко Василий Тарасович не значится в списках лишенных избирательских прав. — Т. С.)

Утром я ходила на эти курсы, а днем и вечером в музполитехникум. Ночью чертила. Мне хотелось все знать, везде участвовать. (Это удивительное свойство — непреодолимое желание учиться — сопровождало маму всю жизнь. И в дальнейшем все складывалось так, что она постоянно училась. Даже в пожилом возрасте мама не могла спокойно пройти мимо объявлений, приглашающих на учебу. — Т. С.). Была я в ударной группе и так переживала, что не успею окончить курсы, а пятилетка кончится, что однажды расплакалась. Сейчас даже не верится, но это факт. Жила я тогда у Виктории (она первая, которая пригласила к себе жить еще в Анапе). Ее муж (какой-то министр) на мои сле-

зы заметил, успокаивая: «Анечка, первая пятилетка кончится, наступит вторая, и вы вложите свой труд». Для меня это было так дико, «вторая пятилетка?» Я думала, будет только первая. Окончив курсы, я должна была ехать по назначению, но я же еще училась в другом месте. Так что на этом моя карьера чертежника-конструктора закончилась.

Желая подработать, я сама устраивала концерты. Соберу группу: пианиста, певца, певицу, говоруна (конферансье), скрипача, поеду в подмосковный санаторий (или дом отдыха, завод), договорюсь с директором, и вечером приезжаем. Дадим концерт, получу деньги, разделю.

Тогда в моду вошли подшефные концерты, и нас, студентов, вечно гоняли. Директор политехникума, если я была в такой бригаде, всегда говорил: «Евтушенко пускайте последним номером, а то она не даст вам выступить». Правда, на концертах я пользовалась большим успехом. Сколько раз приходилось занавес опускать, чтобы дать выйти следующему номеру. В особенности мне запомнился такой концерт в танковой части. Везли нас туда очень долго. Я пела украинские вещи. Меня так вызывали, что пришлось на мне закончить концерт, хотя за мной еще по программе следовало несколько выступлений.

В Москве, у нас дома, когда я жила у Зои, каждую субботу давались домашние концерты и не только концерты, бывали знакомые писатели. Они собирали нас, чтобы прочитать новую вещь. Это было очень интересно. Мы были критиками. Сначала мы смущались, а потом так разошлись.

В это же время, живя у Зои, я начала заниматься английским языком, что входило тогда в моду. Начала брать частные уроки у старой англичанки. Она учила меня языку и английской этике. Занималась я с ней целый год, начала даже говорить. Мне все хотелось знать.

Будущее же моих двоюродных сестер Зои и Лары Калитенко было ужасным, вскоре они умерли от туберкулеза. Какие хорошие были девочки — красавицы, умницы, музыкантши. Как нам было хорошо вместе. Зоя работала в консерватории, а Ларочка поехала в Иваново и там поступила

на работу. Это было время ужасной безработицы, устроиться было очень трудно. И вот Ларочка пишет, что заболела, трудно работать. Как только мы получили такое письмо, я сейчас же вечером выехала в Иваново, ночью приехала, темно, страшно. Пересидела на вокзале, утром пошла ее искать, что было нелегко. Нашла, забрала и привезла в Москву. Она сначала сопротивлялась, а потом была так рада. От своей мамы они скрывали, что заболели, так я телеграммой вызвала ее: «Приезжайте надолго». Агафья Степановна приехала, была с ними, но ничего не помогло. Потом Агафья Степановна переехала к сыну Шуре Калитенко, который вскоре стал капитаном и служил на Черноморском флоте.

У меня было много обществ, где я бывала. Например, у Лизы Назаровой. Здесь больше собирались художники, пианисты. Генрих Нейгауз (знаменитый пианист и профессор консерватории) – ее двоюродный брат.

Продолжала дружить с сестрами Марией и Раей Баранник и их мамой Дарьей Дементьевной, переехавшими из Краснодара в Москву. Они жили в одном доме весело, интересно. Сами очень гостеприимные и общительные. У них всегда были большие приемы. Мария любила приглашать знаменитостей. Стол всегда был шикарный. Жили они очень дружно. Но пела одна я.

(Кто бы мог подумать в то время, что их ждет столько несчастий впереди. Мужа Раи – Григория вскоре арестовали и расстреляли, позже реабилитировали. Рая в 28 лет осталась вдовой с девятилетним сыном, воспитывала его одна, всю жизнь тряслась (до Хрущева) и боялась, что на работе узнают про мужа и уволят. Сын погиб на фронте в двадцать один год. Муж старшей сестры Марии, сын фабриканта и бывший офицер царской армии, постоянно подвергался гонениям и сокращениям на работе, в отделе кадров считали, раз «охвицер, значит – контра». А то, что его четыре брата служили в Красной Армии, во внимание не принималось. Марии постоянно приходилось работать за двоих, брать всевозможные подработки. – Т. С.)

Бывала часто у Рыбкиных (Морозовых из Ейска). Жили они в подвале. Образованнейшие сестры Зина и Надя перебивались случайными заработками, главным образом, росписью красками женских туфель. Меня здесь всегда ждали, как источник всех новостей и событий.

Продолжала дружить с Надей Щербиной, ну, эта наша краснодарская компания. (Надежда Кузьминична Щербина-Твердохлебова после окончания в Краснодаре Музыкального училища поехала в Москву, окончила Институт иностранных языков, французское отделение, работала всю жизнь референтом в ТАССе. Дружила с мамой до конца жизни. – Т. С.)

На последнем курсе я жила у Марии Константиновны О कोरोковой на Арбате, приятельницы по чертежно-конструкторским курсам. Нас связывали не только курсы, она была и певица. Пела некоторое время в театре им. Станиславского. Изумительной красоты голос, почему она ушла оттуда, не помню. По окончании курсов она работала чертежником-конструктором. Здесь тоже часто бывали концерты, очень хороший рояль. Интересная деталь: когда мы забывали ключ от квартиры, то открывали замок двухкопеечной монетой. И когда несколько лет спустя я приехала в Москву, позвонила с вокзала, и никто не ответил, все равно поехала к ней, открыла дверь монетой (ключа-то у меня не было) и вошла. Когда Мария Константиновна пришла с работы, то встречала ее уже я. Как мы обе хохотали тогда.

Это все постоянные и милые сердцу друзья, где я всегда бывала с удовольствием. А как много было знакомых – Шостакович, Давиденко...

Помню, как мы еще развлекались в Москве. Всегда, в какое-то время года, то там, то тут, шли пробы в Большой театр, в Малый, Художественный, им. Станиславского и др. Мы ходили пробоваться. Было довольно просто тогда. Скажешь фамилию, еще какие-то данные и приходишь, когда назначат. Сидит комиссия, все знаменитости. Запомнилась мне проба в Малый театр. Задали целую тему – изобразить большую сцену, и все это без слов. Я сыграла. Всей комиссии очень понра-

вилось, даже заплодировали, просили прийти на следующий день, еще что-то пройти. Ну, я, конечно, не пошла. Я ведь уже была студенткой. Это мы просто развлекались.

И все-таки я очень скучала по Краснодару, по своим друзьям. Мы постоянно переписывались.

В 1931 году я поехала на зимние каникулы домой и вышла замуж за Мишу (Михаил Ильич Поляков, в то время доцент кафедры агрохимии КСХИ — Т. С.). Миша все страдал, что не успел заказать фрак. Я думала, что он шутя говорил, а оказалось серьезно. (Свадебное белое, довольно, скромное платье, мама шила себе сама, материала было очень мало — попробуй, достань в те годы, — и платье получилось немного коротковатое. Как вспоминала мама, весь вечер ей пришлось прикрывать колени платочком — Т. С.).

На свадьбе я попросила Александра Александровича Шмука: «Скажите какую-нибудь умную речь». А он что-то стал отказываться, я и говорю: «Ну, полоумную». И мне показалось, что я так сострила, до сих пор стыдно за свою реплику. Вообще-то я была веселая, остроумная. У меня было прозвище «Веселая Аня», «Королева Анна». Куда все делось?!

После летних каникул я осталась дома, в Краснодаре, осенью родила сына и через год вернулась в Москву заканчивать свой Музыкальный политехникум. Сына оставила на родителей и мужа. Теперь я уже старшекурсница. Пела Татьяну в «Евгении Онегине», Русалку в опере «Русалка Даргомыжского, Лизу из «Пиковой дамы». «Мой» Германн потом был приглашен в театр им. Станиславского, хороший голос и фигура хорошая, а партнер по «Паяцам» принят в Большой театр. Тогда по окончании не давали направление на работу, устраивались сами.

Я не хотела покидать Москву и начала искать работу. Приглашали в оперу в Пермь, но я не хотела уезжать. Очень приглашали с «Синюю блузу». Это интересный ансамбль, тогда очень модный. Там нужно было петь, танцевать и еще исполнять какие-то физкультурные номера. Меня очень туда звали, я подходила по всем статьям, но я гордо от-

казалась. Как же, я, оперная певица, пойду в «Синюю блузу». Потом я жалела. Они объездили весь мир, тогда заграничные гастроли были не часты.

Поступила в ансамбль Свешникова, но Свешников не разрешал нигде выступать, кроме его ансамбля. А меня на радио приглашали соло выступать и в концертах различных. Я и ушла из ансамбля. Лиза меня даже машинисткой куда-то устроила, я месяц поработала и бросила.

...И опять я на распутье, мне ж нужно ехать домой, там муж, сын, а мне не хочется расставаться с Москвой, а Миша против отъезда из Краснодара, говорит: «Я очень люблю свою кафедру и никуда не хочу уезжать». И пришлось мне возвращаться. А потом выяснилось, что в это время Мише предлагали в Москве квартиру, машину в личное пользование, приличную ставку, но, поскольку я была уже дома, он не захотел ничего менять. ■

Публикация и комментарии Т. С. Самусь